

Иван Гобзев

ДВА РАССКАЗА

АННА АРКАДЬЕВНА

Давно уже известно, что в бесконечном множестве миров возможны все миры, даже самые маловероятные. Достаточно, чтобы они были хотя бы чуть-чуть вероятны. И если есть один шанс из триллиона, что какой-то мир есть, значит, он наверняка есть.

Все мои коллеги из Института истории культуры только и занимаются тем, что путешествуют по возможным мирам, чтобы посмотреть, что было бы, если... Что было бы, если, скажем, Пушкин остался жив? И вот они отправляются в эту альтернативную реальность, в которой он остался жив, и смотрят, что из этого вышло.

Хотя смысла в этом не так много, ведь выйти из этого может все что угодно — существуют миры, где реализовались все возможные истории. Но потом мои коллеги пишут научные статьи. Что-то вроде: «В мире АА.01 А.С. Пушкин стрелялся с М.Ю. Лермонтовым — из-за женщины или все же нет?» Или вот недавнее: «Родная дочь Н.В. Гоголя в браке с Л.Н. Толстым: проблема воровства сюжетов».

Занимательно, конечно, но лично для меня ценность подобных изысканий сомнительна...

Меня волнует другое. Как, например, Анна Каренина могла оставить своего сына? Как сложилась дальнейшая судьба героев? И действительно ли у Вронского были такие сплошные зубы, как об этом постоянно твердит автор?

Вопросы могут показаться нелепыми, но среди множества миров есть и такие, где все описанное великим романистом — реально. Потому что ничего противоречащего законам физики у него там нет.

Что с того, что это вымысел? Когда возможно все, граница между реальностью и вымыслом исчезает.

•••

— Николай, — говорит мне декан, — ты уверен вообще? Каренина, Левин, Вронский... Почему не Буратино или Карлсон? Они тоже возможны и, значит, где-то существуют!

— Я понимаю вашу иронию, Артемий Леонидович, но Государственный научный фонд поддержал мой проект!

Это правда — мою заявку, писаную без всякой надежды, поддержал Фонд и выделил мне необходимое финансирование. Случай беспрецедентный. Причем мою предыдущую заявку «Неизвестные фрагменты частной жизни Л.Н. Толстого и С.А. Толстой» почему-то отклонили, хотя там уж исследование обещало быть весьма результативным! Иногда мне кажется, что заявки отбираются наугад.

— Ладно, ладно, ты не сердись. Но, сам понимаешь, другие будут недовольны, надо теперь тебе время выделять в межпространственно-временном континууме... А есть и более актуальные исследования, чем дальнейшая судьба Вронского!

— Это какие, например? — с вызовом говорю я.

— Прямо сейчас разрабатывается проект исследования жизни и творчества Сапфо, который может иметь значение для всей мировой культуры, и обрати внимание — она совершенно реальный человек, а не твой Винни-Пух или что-то в этом роде!

Я улыбнулся, пропустив Винни-Пуха мимо ушей. Все знали про неудержимую страсть Артемия Леонидовича к Сапфо. Он грезил ею, как говорится, во сне и наяву. То, что это полупоэтическая личность, древняя поэтесса, про которую почти ничего неизвестно, его не останавливало. В его воображении она была вполне реальной личностью.

Что ж, его ждет разочарование! Так всегда бывает — когда чего-то очень ждешь, потом это оказывается совсем не таким.

•••

Уже многие годы ходит байка про одну исследовательницу, которую по ошибке отправили не к Мигелю Сервантесу, а к его герою Дон-Кихоту. Ее зовут Таисия Дульяновна Боосова, веду-

щая научная сотрудница Института культуры старой Испании. Я видел ее фотографию: строгая дама лет пятидесяти, с короткими седеющими волосами, зачесанными назад, и в больших смешных круглых очках.

И она не вернулась. Будто бы нашла счастье с ним, стала дамой его сердца. Он бросил рыцарство, не доехав даже до мельниц, и занялся сельским хозяйством, а она взяла на себя заботу о доме. Санчо Панса поначалу терпеть ее не мог, потому что она испортила ему выгодное предприятие, но потом стал у них частым гостем. И будто бы в альтернативной версии романа Сервантеса появились такие финальные строки: «Каждому мужчине, чтобы он стал счастливым, должна встретиться та самая женщина».

Исследования в области вымышленных историй крайне редки — считается, что поскольку они вымышлены, они не имеют ценности. Я не согласен, потому что такие исследования позволяют лучше узнать замысел автора, его мотивы и ценности, и главное — лучше понять само произведение.

Мой план был таков — проследить за Анной Аркадьевной, когда она прибывает на станцию Нижегородская после размолвки с Вронским, чтобы ехать в Обираловку, где все завершится столь трагическим образом. Я стану свидетелем самого драматического эпизода в романе, и, возможно, сумею перемолвиться с ней парой слов и узнать, что меня интересует, — в том возбужденном, одурманенном лекарством состоянии, в каком она пребывает, она может открыться незнакомцу и сообщить нечто важное. Да, понимаю, это звучит цинично... Но таковы правила полевого исследования: порой ученый — это не человек в обычном смысле, а бездушная машина для наблюдения фактов.

Еще один плюс выбранного мной момента посещения пространства романа — близость к финалу, когда я, с одной стороны, могу посмотреть итоги всех сюжетных линий, и с другой — не слишком долго ждать, чтобы узнать, что было дальше.

Главное, не попасть в черновой вариант — вот о чем я беспокоился. Помня страсть Льва Николаевича к переписыванию, такое вполне могло случиться. Тогда все насмарку!

Из портала я вышел неудачно — практически вывалился и упал на колени, картуз укатился и свалился с платформы. Что же, буду теперь с непокрытой головой! Мимо шли какие-то наглые молодые люди, их рассмешил мой вид. Я быстро поднялся и огляделся по сторонам. Вытащил носовой платок и не спеша отер руки, давая всем понять, что я в порядке и не пьяный. Но, кажется, никто не обратил внимания, кроме этих молодых людей. По перрону стелился густой белый пар, местами полностью закрывая обзор.

Где-то здесь должна быть она. Но как я узнаю? В моем-то воображении она одна, а Толстой ее видел наверняка совсем иначе. В романе только одно конкретно — она была полновата.

Я стал бегать по платформе взад-вперед, вглядываясь в лицо каждой полноватой дамы. Это, конечно, было неприлично. Но что поделывать! Я был готов уже и спрашивать: «Вы случайно не Анна?»

Мимо опять прошли те наглые молодые люди; увидев меня, они обменялись непонятными жестами и рассмеялись. И тут меня озарило: как же! Наглые неприятные молодые люди! Толстой писал, что они как будто преследовали Анну, во всяком случае специально прохаживались мимо нее.

Я пошел за ними. Они заметили это и замолчали. Потом свернули в сторону.

— Молодые люди! — громко и требовательно позвал я, настигая их бегом. — Вы тут видели недавно даму, она должна выделяться среди прочих?

Молодые люди переглянулись и ускорили шаг.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".